

17.П.37.

От Н. И. Бухарина ¹²³ 315

Дорогой тов. Сталин!

Я только в 6 час. вечера вчера (16) получил 20 показаний (не получил А. Слепкова, Айхенвальда, Марецкого, Семенова и др.) и весь вечер и всю ночь напролет читал эту гору омерзительного лганья.

Я прочитал эти 20 показаний бегло и залпом. Буду писать о правых так же, как я написал о троцкистах в 1 части своего "заявления" Пленуму ЦК и буду тоже просить о размножении.

Сейчас я хочу остановиться лишь на нескольких примерах дикого лганья.

1. Мерзавцы все разногласят о рютинской платформе (пункт, которым ты особенно интересовался): ее авторы, по показаниям, то:

- 1) Галкин, Кауров, Рютин;
- " 2) Слепков и Марецкий,
- " 3) Рютин по указаниям,
- " 4) Бухарин вместе с Рык., Томск., Угл.

и т.д. Это - очень существенный пункт, а ложь здесь - как на ладони.

2. Зайцев (один из самых подлых лжесвидетелей, разгрывающих сцены по сценам из уже прошедших процессов), показывает, что я руководил "конференцией" (но только он не знает, выступал ли я там). А я был в Азии!

3. Куликов показывает, что я ему дал терр. директиву против тебя, а на очной ставке, про тот же случай, говорится, что речь шла о т. Кагановиче. Сперва нагнал одну ужасную вещь, потом другую - и все с легким сердцем!

4. Грольман не стесняется говорить, что я давал ему к.р. директивы в вагоне при посторонних. Так вообще мог бы действовать только сумасшедший, который достоин желтого дома. Но Грольман, кроме того, очевидно, не знал, что "посторонние", это, в первую очередь, чекист, который все время был со мной (один или двое).

Возмутительное лганье насчет террора (я только и делаю, что даю соотв. директивы, по показаниям этих суб"ектов) подано в изобилии, внушающем сразу большие подозрения. Здесь явно перестарались.

Я должен сказать начистоту: тут есть чья то направляющая рука, и только ты, если захочешь, можешь эту руку поймать. Она может быть суб"ективно честной, вроде старушки Иогана Гуса (*o, sancta simplicitas*), а может быть и злонамеренной, но и в том, и в другом случае это - государственная опасность, как я тебе однажды писал. Человек - управляющий, начальник - иногда весьма зависит от звеньев своего аппарата: он получает просеянный по-особому, "готовый" материал, и по нему судит.

Мне Вольский (Станислав) говорил, когда приходил после своего освобождения, чтоб спросить, как послать тебе благодарность (я так и не знаю, что с ним) насчет своих злоключений и допросов:

"Нам все известно" - заявляли ему.

"Если не скажете, то расстреляем"

На что он отвечал: "Товарищи! Я - больной и старый. Мне год-два жить. Так неужели вы думаете, что вы меня испугаете?"

Прием - "нам известно", а "Вот тот-то показывает то-то" - широко применялся и здесь, это видно на самих показаниях. А пугать было особо нечего. Сама обстановка, характер обвинения, контекст процессов, 2 порции расстрелов - все это говорит за себя само!

Кто из арестованных окажется настолько честен и смел, чтобы в ответ на требование (фактическое) меня разоблачить, будет меня обелять и говорить правду, тогда как он все же может прослыть искренним, если будет меня чернить и на меня клеветать? В таких ситуациях 999/1000 предпочтут лучше сказать черное, чем белое: последнее - риск. Все читают газеты, знают "установки", читают "Большевик", читают показания других, слышат: "следствию уже известно", "х.у.з показывает" *etc.* К тому же люди на меня страшно злы. К тому же они - грешили явно, и на меня хорошо валить, валить на мою голову (часть ответственности снимается - они, мол, наши вожди и т.д.).

Неужели не ясно, что при такой обстановке совсем не трудно без большого нажима получить сколько угодно "желаемых" показаний?

Я был когда-то весьма вхож в ЧК. Знаю многое о кулисах и за-кулисах. Со мной когда-то советовались проф. Кондратьеве, чтобы взять его агентом ЧК; мне известна была роль м-ка Икова на процессе и т.д. Мне известны были разные формы нажима. Но то, что оправдано для врага, то нельзя применять в тех случаях, когда хотят выяснить, кто перед тобой: враг или друг...

- 4 -

Общее впечатление от документов (кроме омерзения от лганья): возможно, что Угланов все-таки сорвался, вел к.-р. линию, ссылаясь облжно для авторитетности и на меня и т.д.; что он связался с какими-то новыми кругами (Невский), пошел во все тяжкие, сам вступал в блоки, сбил и учеников (или взаимно), и начал "новый этап". Что "молодые" что-то делали втайне от меня, это теперь ясно. А теперь валят на мою голову, как на голову "предателя".

+ +
+

Иным кажется, что со мною нячатся. Это было бы верно, если бы я был виновен. Но я невиновен, и я мучусь совершенно безвинно. Посылка документов тоже есть элементарная обязанность: вспомни, Коба, что в старые времена присылали материал следствия за две недели или даже за месяц до суда. А мне его дают за три дня, да и то не все. Я очень благодарен и за это, но здесь все относительно.

Материал говорит о совершенно-исключительном напряжении клеветы. Ложь не только о последних годах, но и о 28/29, ложь низкая, подлая, коварная, с расчетцем, с разжиганьем и наускиваньем. Обвинять меня в терроризме и вредительстве, это значит потерять все признаки человеческого. Я это говорю серьезно. Я настолько внутренне свирепею от одного воспоминания, что находятся мерзавцы, которые так лжесвидетельствуют, что делаюсь сам не свой.

Знай, что даже когда я злобствовал против тебя и вел борьбу, и ругался (политическая борьба никогда не бывает бесстрастной) я никогда и в мыслях не имел никаких терроров

(мне даже чудно об этом писать); а потом у меня наступило не только полное внутреннее примирение с руководством, но и выросло глубокое уважение и любовь за то, что вы вывели страну из трудностей и подняли ее. О моем отношении лично к тебе я писал и больше не буду (а то скажут подхалимство: я тебе послал как-то стихотворение-поэму, написанную в тяжкие ночные часы...) Люди сходятся и расходятся, и снова сходятся. Но есть и такая категория людей, которые мешают обратному схождению, и готовы на человека бросить могильный камень, "чтоб встать он из гроба не мог".

Я двое суток не спал: сейчас уж 3 часа, а я это письмо пишу 1½ часа или даже больше! Приму дозу большую вероналу, чтоб хоть на несколько часов дать отдохнуть мозгу. Какое мучительное положение, Коба, если бы ты только знал! И как горько думать, что ты, б.м., щуришь глаз: а может он все же надувает?

Твой Н.БУХАРИН.